

УДК 327(44:497):94(100)“1914/2014“

ФОРМИРОВАНИЕ ПАМЯТИ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В СЕРБСКОМ ОБЩЕСТВЕ ДО 2014 г.

© 2020 г.

А.Ю. Тимофеев

Белградский университет, Белград, Сербия
Институт новейшей истории Сербии, Белград, Сербия

al.timofev@gmail.com

Поступила в редакцию 05.04.2020

В период существования Королевства сербов, хорватов и словенцев / Югославии ветераны и герои войны пользовались общественным признанием, а события героизировались. В период оккупации все воспоминания о Первой мировой войне подавлялись оккупантами и марионеточными государствами, разделившими страну. В титовской Югославии события о Первой мировой войне пытались стереть из исторической памяти, а в дальнейшем реструктурировать, представив их как введение в революционную партизанскую борьбу 1941–1945 гг. После 1991 г. события Первой мировой войны отодвинулись на периферию общественного сознания. В первом десятилетии XXI в. события Первой мировой использовались в Сербии для формирования антивоенных и пацифистских настроений, с перенесением фокуса внимания с побед и героев на жертвы и бессмысленность сопротивления.

Ключевые слова: Первая мировая война в Сербии, Вторая мировая война в Сербии, история воспоминаний, ветеранское движение, фильмы о войне, Гаврило Принцип.

Русские и сербы в своем восприятии мировых войн XX века значительно отличаются друг от друга. Для русских воспоминания о Первой мировой войне завязаны наслоившимися воспоминаниями о смуте Гражданской войны, а воспоминания о Второй мировой войне стали одной из важных общенациональных ценностей, в силу того что она получила характер войны за выживание. В Сербии мировые войны воспринимают абсолютно противоположно. Вторая мировая воспринимается большей частью сербского народа как гражданская война в силу того, что свыше 70% граждан Югославии, погибших в годы Второй мировой войны, пало от руки сограждан. В то же время Первая мировая война стала для Сербии и сербов войной за выживание, превратившись в основополагающий национальный миф сербского народа. Формирование представлений сербов о Первой мировой войне в XX веке (а точнее, до 2014 г.) и будет основной темой данной статьи.

Активная австрийская политика на юго-восточном направлении с начала XVIII века вела не только к освобождению Западных Балкан от власти Порты, но и к подчинению территорий короне Габсбургов. Этому процессу мешало возникновение по результатам Первого (1804–1813) и Второго (1815) сербских восстаний автономного сербского княжества, чье возникновение и существование было поддержано Россией, оговаривавшей его существование в ряде договоров, заключенных с Турцией (Бухарестский мирный договор 1812 г., Аккерман-

ская конвенция 1826 г. и Адрианопольский мирный договор 1829 г.) по результатам ряда русско-турецких войн [1]. В результате последней русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (не считая Первой мировой войны, где друг другу противостояли коалиции государств) княжество Сербии получило независимость, зафиксированную Берлинским конгрессом 1878 г. Австрия активно стремилась приостановить Сербию на её пути к независимости. Это было тем легче, что по сравнению с Сербией Австрия представляла несравнимо более развитое, богатое и организованное общество. Мирные контакты с Австрией также опосредованно несли сербскому обществу богатство и развитие. Подписанные в 1881 г. торговые и дипломатические договоренности с Австрией открыли доступ сельскохозяйственной продукции Сербии на австрийские рынки, сулившие Белграду стабильное процветание. Платой стало отречение Сербии от независимой внешней политики, а также постепенный переход страны в колониальную зависимость (в силу невозможности развивать собственную промышленность, которая не могла конкурировать с более развитой австрийской индустрией без ограничительных пошлин). Этот путь развития Сербии не вызывал понимания и сочувствия в России [2]. Уже в последние годы правления Александра Обреновича, не продолжившего тайную конвенцию с Австрией, Сербия постаралась постепенно освободиться от австрийской зависимости. При этом, несмотря на заработок от торговли с Ав-

стрией, настроения в обществе были стабильно антиавстрийскими. По словам посетившего Сербию в 1868–1869 гг. П.А. Ровинского, отцы семейств в Сербии повторяли сыновьям: «...Кто неприятель сербов? – Турок. – А еще кто? – Шваба. – Чего же ты им желаешь? – Я возьму саблю и посеку им головы». В 1888 г. в городе Ужице вышел популярный «Катехизис для сербского народа», в котором формулировки еще более прояснились: «Кто неприятель сербов? – Самый главный враг сербов – Австрия <...>. – Что нужно делать? – Ненавидеть Австрию, как своего самого главного врага» [3].

После свержения «равноудаленного» А. Обреновича в 1903 г. (которого в силу этого недолюбливали и в Вене, и в Санкт-Петербурге) к власти пришла активно русофильская партия радикалов. Они управляли страной вместе с националистически настроенными офицерами, участниками Майского переворота 1903 г., до самого начала Первой мировой войны [4].

Взрыв народного негодования вызвала публикация тайной конвенции о былом отречении Сербии от самостоятельной внешней политики [5]. В то же время нарастала и другая проблема – в 1902 г. Сербия не обновила торговое соглашение с Австро-Венгрией и приняла курс на улучшение внешнеполитических отношений с Болгарией и Черногорией, что вызывало симпатии Санкт-Петербурга и неприязнь Вены. В результате в 1906–1911 гг. между двумя странами вспыхнула настоящая экономическая война, получившая названия «таможенной» или «свиной» (по важнейшему товару сербского экспорта) [6]. Пиком напряженности между двумя странами стали события 1908 г., когда Австро-Венгрия аннексировала оккупированную ею в 1878 г. османскую провинцию Босния и Герцеговина, имевшую смешанное православное, католическое и мусульманское население. Сербь были в то время самым многочисленным народом Боснии и Герцеговины и считали эту область частью сербских исторических земель. В Боснии и Герцеговине Австро-Венгрия вела ассимиляторскую антисербскую политику, боровшуюся с тремя составляющими сербского национального самосознания: с православием, с кириллицей и с самим именем сербы, заменяя его дериватами (боснийцы). Грубая ассимиляторская политика в оккупированной Боснии и Герцеговине, увенчавшаяся её аннексией, стала финалом, окончательно сбросившим маску покровительницы с лица Австрии в глазах сербов [7]. Суть австрийской политики по отношению к сербам фактически оставалась неизменной на протяжении всего периода правления Франца Иосифа – постепенная отмена привилегий гра-

ничар (военного сословия, составлявшего стеной хребет сербского народа в Австрии), карьерные привилегии лицам, отказавшимся от православия, культурная ассимиляция, заселение населенных сербами территорий иноязычными колонистами (католиками, униатами и протестантами) [8]. Не только сербские, но и венгерские исследователи четко прослеживают результаты этой политики – постепенное сокращение относительной численности сербов на этих территориях. Постоянное относительное сокращение численности сербов на территории современной Воеводины в XVIII–XIX веках (при определенном абсолютном приросте) подчеркивается и современными венгерскими исследователями. Например, по переписи 1720 г. на территории центральной части Воеводины – Бачки (поделенной в 1918 г. между Сербией и Венгрией) – проживало 73% православных сербов, в 1820 г. – 44% православных сербов, в 1880 г. – 35.5% православных сербов, в 1900 г. – 33.7% православных сербов [9]. Тот же процесс шёл и на территории Военной границы (сербские районы нынешней Хорватии), а также в Боснии и Герцеговине. Австро-Венгрия решительно выступала против усиления Сербии путем её объединения со вторым государством сербского народа – с Черногорией, всячески подогревая конфликты между двумя странами и династиями, угрожая войной в случае их политического объединения [10]. Не менее враждебную политику Австро-Венгрия проводила по отношению к Сербии и её попыткам освободить от османского господства население Старой Сербии и Македонии [11, с. 74–98]. Австро-Венгрия была разочарована результатами первой Балканской войны и сделала многое для возникновения второй (союзнической) войны, подогревая алчность Софии. В 1913 г. именно Австро-Венгрия стала самым горячим сторонником межсоюзнической (второй Балканской) войны [12].

В годы Первой мировой войны речь напрямую зашла о выживании Сербии и сербского народа. Имели место массовые казни сербов не только на территории Сербии (расстрелы в Мачве), но и на территории самой Австро-Венгрии – в Боснии и Герцеговине, а также в Воеводине, где подозрительных и потенциально недовольных без суда высылали в концентрационные лагеря [13,14]. Осенью 1914 г. маленькая Сербия (население 4.5 млн человек) выстояла против армии двенадцатикратно превосходящей её по численности Австро-Венгрии (население 52.8 млн человек) и в декабре 1914 г. самостоятельно отбросила её войска с территории Сербии в Колубарской битве. Лишь после

того, как на помощь Австро-Венгрии пришли армии Германии и Болгарии, центральным державам удалось захватить Сербию. После отчаянной защиты Белграда сербская армия и правительство не капитулировали, а отступили в тяжелейших зимних условиях через горы Албании зимой 1915/16 г. Голод и эпидемии унесли жизни тысяч сербских солдат, офицеров и гражданских. На французских кораблях около 150 тысяч человек было эвакуировано на остров Корфу в феврале 1916 г. Около 5 тысяч человек умерло от ослабленности, голода и болезней в первые недели на острове Корфу [15]. В июне–июле 1916 г. реорганизованные сербские войска заняли оборонительные позиции на своем участке солунского фронта вместе с другими силами Антанты в Македонии. В сентябре 1918 г. сербские войска оказались на острие союзнического наступления, которое пробило болгарские линии обороны, принудив Болгарию к выходу из войны. В октябре 1918 г. сербские войска освободили территорию Сербии в границах до 1914 г. и продолжили наступление на запад, захватывая южнославянские территории Австро-Венгрии. Результатом Первой мировой войны стало объединение всех сербских земель в единое государство. Сербия в результате Первой мировой войны понесла колоссальные потери, но победила.

Первая мировая война стала общим эпическим событием всего сербского народа, без учета того, были ли они родом из Королевства Сербии, из новоприсоединенных областей, освобожденных от турок в Балканские войны, из воссоединенной Черногории или из бывших провинций Австро-Венгрии. В окончательных боях за освобождение Сербии участвовали не только солдаты с территории Королевства Сербии, но и значительные смешанные добровольческие соединения, большая часть которых была сформирована в России из военнопленных сербов (общая численность полторы дивизии) и некоторого числа проюгословенски настроенных хорватов (сводная численность около полка) и словенцев (числом до батальона) [16, с. 176]. В 1915 г. для наград за личный героизм в Сербии был введен особый военный (солдатский) орден Звезды Карагеоргия, ставший аналогом русского знака отличия военного (солдатского) креста ордена св. Георгия (Георгиевского креста). Спустя два года после окончания войны в 1920 г. появились еще две важные коммеморативные награды: Памятный знак участнику войны за освобождение и объединение 1914–1918 г. и Памятный знак за верность Отчеству в 1915 г., участникам эвакуации через Албанию [17]. Особенно эмоционально значи-

мой стала вторая награда – не формально круглая, а с необычным глубоким рельефом и портретной пластикой. На аверсе был помещен обращенный налево профиль главнокомандующего армией князя-регента Александра, а вокруг него круговая надпись «Своим боевым товарищам. Александр». Носители этих ветеранских наград получили в Королевстве СХС/Югославии авторитет в обществе и ряд привилегий, связанных со скидками при поездках на государственных железных дорогах, с ежегодными бесплатными билетами и курортным обслуживанием.

Кроме того, Королевство СХС колонизировало плодородные земли севера и юга страны (Славония, Воеводина, Македония, Косово и Метохия) сербскими ветеранами войны и людьми, проявившими свой патриотизм при создании нового государства, – добровольцами, переселенными из депрессивных горных регионов, и сербами с отходивших к Венгрии территорий. В 1919 г. для сохранения традиций и помощи ветеранам был создан Союз добровольцев. Уже 18 декабря 1919 г. королевское правительство приняло указ о добровольцах. Согласно указу о волонтерах добровольцами признавались лица, которые добровольно завербовались в сербскую армию до 18 ноября 1918 г. и оставались там до демобилизации или увольнения из-за ранения. Было предусмотрено, что военным добровольцам будет выделено 5 га, а добровольцам из рядов гражданских лиц – 3 га плодородной земли в районах, где расселение будет осуществляться в соответствии с планами министерства аграрной политики [18, 19]. Накануне Второй мировой войны в районе Баната существовало 35 колоний, в которых проживало около 30 тысяч человек, в Бачке – 52 колонии с населением около 30 тысяч человек, в Среме – 24 колонии с населением 9 тысяч человек, в Баранье – 7 колоний с населением около 2 тысяч человек, а в Славонии – 83 колонии, в которых проживало около 27 тысяч человек [20].

Численность колонистов в Македонии, Косово и Метохии достигала 17 тысяч семей, т.е. 87 тысяч человек [21, с. 88–100]. Стратегической целью колонизации было изменение демографического баланса в приграничных регионах. Однако не меньшей по значению составляющей была награда людям, показавшим верность Сербии и сербскому народу. Конечно, не все из колонистов были добровольцами – до декабря 1938 г. такой статус получили 32,5 тысячи военных добровольцев и 4,5 тысячи добровольцев – гражданских лиц. Из них на севере получили землю свыше 19 тысяч человек, а на юге – 2 тысячи, всего менее 22 тысяч человек. Вопрос о статусе добровольцев – участников

Первой мировой войны оставался актуальным вплоть до начала Второй мировой войны, постоянным вопросом повестки дня законодательной и исполнительной власти [22–28].

После оккупации Югославии немецкие оккупационные власти и марионеточные режимы (албанские, болгарские и хорватские), которые были установлены на территориях королевства, где проживали сербы, воспринимали добровольцев как врагов своих государств. Все воспоминания о Первой мировой войне оправданно считались враждебными для новых властей проявлениями сербского национального духа. Уже спустя несколько дней после провозглашения НГХ газета «Хорватский народ» обнародовала Законодательный указ от 18 апреля 1941 г. номер 7-1941 о недвижимости так называемых добровольцев, которым было конфисковано имущество сербских добровольцев Первой мировой войны и небольшой группы их хорватских проюгославских соратников [29, с. 21–22]. Речь была о начале шагов по истреблению сербов в Хорватии. Остриё этих мер было направлено против символов сербской национальной памяти – героев Первой мировой войны [30, с. 5–9]. Те же суровые меры против добровольцев-колонистов принимались венгерскими властями в Воеводине, болгарскими в Македонии и албанскими в Косово и Метохии. Речь шла и об уничтожении памятников, названий улиц и других форм сохранения памяти об участии сербов в Первой мировой войне. Лишь на территории Сербии памятники не подвергались уничтожению, но и тут оккупационная власть прекратила деятельность Союза добровольцев и опечатала его помещения [31].

После окончания Второй мировой войны новое правительство титовской Югославии заняло негативную позицию к сербскому национальному самосознанию и так же негативно относилось к сербским воспоминаниям и традициям, связанным с Первой мировой войной. Указом от 16 марта 1945 г. Национального комитета освобождения Югославии под № 153 было принято решение о временном запрете возвращения колонистов в их более ранние места проживания. Этим законом запрещалось возвращение колонистов в места их проживания в Македонии, Косово, Метохии, Среме (Восточная Славония) и Воеводине [32]. Довоенные члены Союза добровольцев – председатель Л. Ловрич и профессор Р. Кашанин все средства, обнаруженные в опечатанной кассе, передали как помощь для раненых освободителей города партизанскому коменданту Белграда Л. Джуричу. Однако воспоминания о Первой мировой войне и её герои не были нужны новым властям. Они

ввели собственные награды – Памятную медаль участнику восстания 1941 г. и Знак Народного героя Югославии, отменив льготы героям Первой мировой войны. Решением югославского министерства внутренних дел от 18 февраля 1947 г. был официально закрыт и Союз добровольцев, при этом конфисковали средства, движимое и недвижимое имущество – штабквартиры в Белграде (Мольерова, 24) и в Новом Саде (Шумадийская, 6).

Постепенно шел процесс переформатирования воспоминаний о Первой мировой войне. С 1948 г. были восстановлены выплаты отдельным лицам, награжденным военным орденом Звезды Карагеоргия (с мечами) [33, 34]. Впрочем, речь шла о сравнительно небольшом числе получателей пенсии (значительная часть награжденных участников Первой мировой войны придерживалась монархических взглядов и погибла в противостоянии между четниками и партизанами). Всего в титовской Югославии было перерегистрировано для получения выплат и привилегий 3417 лиц, награжденных военным орденом Звезды Карагеоргия (с мечами). В то же время были зарегистрированы 1321 носитель Знака Народного героя Югославии и 25537 награжденных Памятной медалью участнику восстания 1941 г. [35, с. 111]. В 1953 г. в Белграде был проведен процесс реабилитации Д. Димитриевича Аписа и группы сербских офицеров, стоявших за майским переворотом 1903 г. против династии Обреновичей и за июньским покушением 1914 г. в Сараево. Эту группу офицеров осудили и расстреляли как заговорщиков сербские военные власти в Фес-салониках в 1917 г. В новых условиях Аписа и всю группу осужденных сербских офицеров – разведчиков и патриотов, которые были связаны с ним, реабилитировали и пытались встроить в общий исторический контекст как революционеров-республиканцев [36], а не как сербских националистов (каковыми они и были) [37, р. 1, 28, 61, 66].

Ещё более показательной стала эволюция образа Г. Принципа и его соратников по организации «Млада Босна». Их готовили к диверсионным действиям, финансировали и вооружали сотрудники сербской военной разведки. Фактически «Млада Босна» действовала как прокси-организация сербской военной разведки для прямой акции против австрийской оккупации и аннексии Боснии и Герцеговины в начале XX в. В результате тесных контактов «Млада Босна» с руководством сербской военной разведки, репрессированным в 1917 г., официальные власти относились к ним крайне настороженно, считая, что «террористические методы пригодны для Турции, но не для Австро-

Венгрии» [36, с. 602; 38, с. 693]. Естественно, что после присоединения Боснии и Герцеговины к Королевству СХС (в 1919 г.) была снята установленная на месте убийства в 1916 г. мемориальная доска в честь покойного Франца Фердинанда и его супруги, а также демонтирован возведенный в 1917 г. монументальный памятник с бюстами эрцгерцога и его супруги Софии. Мост Фердинанда и Софии, рядом с которым произошло покушение, стал мостом Г. Принципа. Однако формальное увековечивание памяти о Г. Принципе на месте покушения произошло лишь в 1930 г. в честь пятнадцатилетия казни совершеннолетних членов организации «Млада Босна», когда на месте покушения была установлена памятная доска. Текст доски 1930 года гласил: «На этом историческом месте Гаврило Принцип провозвестил свободу в день св. Вида 15-го (28) июня 1914 г.». Надпись была поставлена кириллицей с выделением православного праздника Видовдан (сербский праздник – день Косовского боя 1389 г.) как подтекста покушения. Останки самого Г. Принципа и его соратников были перенесены в Югославию вскоре после создания Королевства СХС, но памятное надгробие на их могилах было возведено лишь в 1939 г. в виде православной часовни героев Видовдана. Сразу после создания НГХ, захватившей Боснию и Герцеговину, мост Принципа был переименован, а памятники ему и его соратникам разрушены. Снятая в Сараево памятная доска Г. Принципа была вручена лично Адольфу Гитлеру как подарок ко дню рождения 20 апреля 1941 г., а после была передана именинником в берлинский Старый арсенал (Zeughaus) [39]. Партизаны Й.Б. Тито взяли Г. Принципа и организацию «Млада Босна» на щит, педалируя общегославянские и революционные составляющие в их идеологии [40]. Уже через месяц после партизанского освобождения Сараево в мае 1945 г. на месте старой мемориальной доски повесили новую с пятиконечной звездой и надписью о вкладе «Г. Принципа и его товарищей соратников» «в борьбу против германских завоевателей». Мосту через реку у места покушения вернули название «Мост Г. Принципа», а в 1952 г. рядом был открыт музей «Млада Босна», перед которым была установлена необычная скульптура – следы Г. Принципа на том месте, откуда он совершил исторические выстрелы. При этом ради выгодных туристов и других заезжих иностранцев вновь сменили мемориальную табличку, убрав из надписи упоминание о «германских завоевателях» [41].

Ярким примером подхода к сербскому национальному нарративу о Первой мировой войне в

титовской Югославии можно считать обязательную школьную программу по литературе. События Первой мировой войны изучались по антивоенной прозе хорвата М. Крлежи, воевавшего в годы мировой войны в хорватском ополчении «домобран», в австро-венгерской армии. В годы Второй мировой войны М. Крлежа активно участвовал в пропагандистских акциях партизан и, таким образом, зарекомендовал себя лояльным новым властям. В то же время прославленная эпопея сербского писателя, офицера сербской армии Первой мировой войны, С. Яковлевича «Сербская трилогия» переиздавалась, но так и не вошла в школьную программу до самого падения монопартийного режима. Не помогло даже то, что сам С. Яковлевич был полностью лоялен титовскому режиму, был профессором фармацевтического факультета и ректором Белградского университета в 1945–1950 г. [42]. Сербским школьникам в титовской Югославии не случайно приходилось формировать литературные представления (самые живые и эмоциональные) о Первой мировой войне на основе прозы из «домобранской» перспективы. И сам Й. Броз Тито в годы Первой мировой войны ударно служил в австро-венгерской армии. При этом югославский лидер был в отличие от М. Крлежи (успевшего повоевать только с русскими на Галицийском фронте) участником войны и с русскими, и с сербами [43, с. 21–118]. Сербские писатели лишь в 70–80-х годах стали все больше обращать внимание на страдания гражданского населения в период Первой мировой войны («Время смерти» Д. Чосича, 1972–1979; «Книга о Милутину» Д. Поповича, 1985).

Идеологическое давление дряхлевшего титовского режима стало слабеть с 60-х гг. Система постепенно трансформировалась из тоталитарной в авторитарную, что привело к определенному ослаблению давления на гражданское общество в Югославии. Национальная составляющая в воспоминаниях о Первой мировой войне вновь стала усиливаться в сербском обществе в то время. Пятидесятилетний юбилей Первой мировой войны заставил обратить внимание на события прошлого не только в форме крупных историографических проектов, для публичного утверждения о том, что Сербия не причастна к покушению, ставшему поводом к началу Первой мировой войны [44]. Было решено публично снять табу с сербских героев Первой мировой войны методом кинематографии. За основу был взят рассказ «Прорыв» соратника Д. Димитриевича Аписа, офицера и писателя Р. Янковича, опубликованный вскоре после выхода его из тюрьмы, куда он попал как

член «Черной руки» после семилетней эмиграции. На сценарий повлияли воспоминания участников, а также книга С. Яковлевича «Сербская трилогия» [45, 46]. Фильм был снят в 1964 г. на ведущей югославской киностудии «Авала» в Белграде, выдававшей по десять полнометражных фильмов в год. С широким размахом, в духе военных фильмов эпохи развитого социализма был снят фильм «Марш на Дрину» о Церской битве, т.е. об обороне Сербии от австрийского наступления в первые дни войны в августе 1914 г. В фильме режиссера Ж. Митровича все герои фильма были сербами, сербами были и почти все актеры. Королевские офицеры были выведены положительными персонажами и патриотами, в сербской военной форме, с сербскими кокардами и под сербскими знаменами. В драматическом финале фильма главный герой – майор Курсула погибает от осколка вражеской гранаты и, обращаясь к петляющей перед ним реке Дрине, разделявшей в 1914 г. (как и сейчас) на две части сербский народ, говорит: «Ё..ть тебя, Дрина!». Эта не случайная фраза стала первым появлением мата в югославском кинематографе, дополнительно усилив эмоциональный накал конца фильма. После этих шокировавших публику слов камера оператора охватила панораму усеянного трупами поля боя, а мощный оркестр Белградского гарнизона исполнил старый сербский марш «На Дрину» [47].

Реабилитация сербского марша «На Дрину», написанного в начале Первой мировой войны сербским композитором С. Биничким в честь Церской битвы, стала не менее важным событием того же времени. Получивший Нобелевскую премию сербский писатель из Югославии И. Андрич взял в 1961 г. на вручение довоенную пластинку с музыкой марша, получившей в результате вторую молодость. Обработанная музыка марша получила популярность в шведских, британских и американских поп-аранжировках 1962–1964 гг. В 1964 г. журналистом М. Поповичем Каваей были сочинены слова на бодрую мелодию марша. Запрещенные до этого сербские военные песни (ассоциировавшиеся с четниками, противниками партизан по гражданской войне в Югославии) вновь зазвучали с большого экрана [48, 49].

Появление фильма было нелегким делом. Сценарист А. Диклич и режиссер Ж. Митрович были заслуженными деятелями идеологического фронта титовской Югославии [50, с. 84], но и им было нелегко убедить художественный совет «Авала-фильм» в необходимости съемок фильма, начатых в 1963 г. Проблемой была осторожность политического руководства Сер-

бии, опасавшегося обвинений в сербском национализме, который регулярно остро критиковал Й. Броз Тито. Всё же политическое руководство согласилось на съемки масштабного фильма, выделив не только достаточные средства, но и военного офицера-консультанта, свыше тысячи солдат и несколько орудий. Патриархия Сербской православной церкви предоставила художнику фильма М. Деничу паникадила и иконы для придания аутентичности интерьерам. Крестьяне из околных сел г. Валево, в районе которого велась съемка, с радостью приходили помочь. При этом, когда после съемок сценарист гасил свечи в интерьере разрушенной церкви (снимавшейся на настоящих руинах старой церкви), крестьяне приносили свои свечи и зажигали их у стоявших во тьме икон [51, с. 93].

Фильм из осторожности был премьерно показан не в Сербии, а в Хорватии, на фестивале в Пуле, где картина получила приз зрительских симпатий. После этого фильм получил поддержку политического руководства в Сербии, вышел на широкие экраны, был закуплен в десятках экземпляров для Югославской народной армии. Испуганное резонансом югославское руководство не дало разрешения (средства) на продолжение фильма (или выпуск других фильмов о Первой мировой войне). Режиссер, сценарист и актеры удовлетворялись достигнутым и продолжили съемки других кинопроектов, выдержанных в духе титоизма [52, 53]. В фильме не было темы югославянского единства, хорватских и словенских персонажей. В то же время режиссер не уточнил, что на острие наступления под Цером были части 42-й Хорватской ополченческой дивизии, о чем многие еще помнили. Сам текст марша 1964 г., в котором звучал призыв «героям пойти в бой, не жалея жизни, чтобы гора Цер услышала бой, а река Дрина увидела славу, храбрость и героическую силу сербских сыновей... которые прогонят чужаков со своей дорогой реки», не мог не напомнить о многочисленных усташских песнях, упоминавших реку Дрину как хорватскую границу, за которую сербов надо прогнать. Недаром слова, музыка, да и весь фильм стали символом пробуждавшегося сербского национализма (вместе с обычаем полуподпольного празднования Старого Нового года и оживлением ряда других традиций) [54, р. 280]. Для усташки настроенных клерикалов музыка «Марша на Дрину» звучала провокационно уже в 1971 г. [55, с.160–260]. Эта маршевая песня вошла в один ряд по популярности с сербскими национальными песнями «Там далеко – Сербия» и «Плывет французский корабль» (о эвакуации сербской армии на Корфу), а также «Кто

говорит, что Сербия мала», «Сербская труба вновь звенит на Косовом поле» и «Взойди зоря» (о событиях Первой мировой и Балканских войн). При этом «Марш на Дрину» положительно отличался своей «разрешенностью», т.е. официальной допустимостью, в отличие от других вышеперечисленных песен периода Королевства, полузапрещенных до середины 1980-х гг. [56, p. 161–165].

Именно в 1965 г. появился особый Указ об осуществлении прав лиц, награжденных орденом Народного героя, орденом Звезды Карагеоргия с мечами, Орденом Белого орла с мечами и золотой медалью Обилича, в котором статусные права героев Первой и Второй мировой войны были официально уравнены [57]. Обязательства этого указа повторялись и позднее в законодательных актах семидесятых–восьмидесятых годов вплоть до распада СФРЮ. Стоит отметить, что в то же время статус ветеранов войны (дававший определенные льготы) по закону о ветеранской доплате (от 1965 до 1972 г. он усовершенствовался) получили не только участники партизанского движения, взявшие оружие до осени 1943 г., но и югославы, участвовавшие в гражданской войне в Испании 1936–1939 гг., а также в боевых действиях в Греции в 1941–1945 гг. При этом статус «ветеранов войны» не получили участники Первой мировой войны (в том числе награжденные медалями), несмотря на то, что их очевидно было меньше, чем титовских партизан [58].

С разрешения властей на Видовдан 28 июня 1969 г. возобновило свою деятельность Общество добровольцев войн 1912–1918 гг., которым вновь руководил бывший доброволец академик Р. Кашанин. Впрочем, с полным восстановлением исторического названия общества и с обновлением издания ежегодника предстояло подождать до сентября 1990 г., когда деятельность общества получила большую свободу. Недвижимость обществу (продолжающему и в наши дни деятельность как Союз военных добровольцев 1912–1918 гг., из потомков и хранителей памяти) так никогда и не вернули. Надежды земли, полученные добровольцами и отнятые в годы оккупации, также никогда не были возвращены, хотя Конституционный суд в 1992 г. и признал нелегитимным их изъятие в результате титовской аграрной реформы 1944–1949 гг. [59, с. 20].

В условиях развития экономической эмиграции, фактической свободы пересечения границ и волны западноевропейского туризма монопартийная идеология Югославии фактически утрачивала свою уникальность. Любое идеологическое мероприятие получало контрудары со стороны политической эмиграции. В большей

мере это, конечно же, касалось событий Второй мировой войны, но иногда подобное происходило и с юбилеями Первой мировой войны. Примером такой идеологической дуэли стало проведение круглого стола о «Младой Боснии» в Сараево, материалы которого были опубликованы в многостраничном тематическом номере сараевского журнала «Преглед». Попытки официальных идеологов характеризовать членов «Младе Босне» как югославянских революционеров и борцов за свободу были малоубедительными [60, с. 727–735]. В сербской эмиграции выходили работы, содержавшие альтернативные взгляды на Г. Принципа и его окружение [61].

В 80-х, с распространением домашних видеомагнитофонов фильм «Марш на Дрину» стал хитом среди патриотических видеокассет, распространявшихся в сербских домах в Югославии накануне её распада. Интересно при этом, что ни модернистский фильм «Сараевский антенат» 1968 г. Ф. Хаджича, ни холодноотстраненный фильм «Покушение в Сараево» 1975 г. В. Булаича, снятый в сотрудничестве с кинематографистами из Западной Германии и Чехословакии, ни телефильм Л. Драшкича «Святой Георгий убивает змея» 1989 г. не смогли даже близко подойти по популярности к фильму «Марш на Дрину» 1964 г., прорвавшему блокаду умалчивания. Историческим парадоксом можно назвать то, что следующий югославский игровой фильм о Первой мировой войне – «Последний вальс в Сараево» 1990 г. – стал последним игровым фильмом, снятым в единой Югославии от Вардара до Триглава. Материалы этой мелодрамы с основным сюжетом на фоне Первой мировой войны были чудом спасены от боевых действий 90-х годов в Сараево, где фильм снимался. Пленки удалось окончательно смонтировать лишь в 2007 г., когда фильм вызвал внимание, но не получил успеха и популярности [62].

Войны девяностых годов вытеснили на некоторое время события Первой мировой войны из центра внимания сербского народа. Напоминания о тех событиях приходили в отдельных событиях, рассеянных в воинском вихре девяностых. Сербь поддерживали свой националистический дух прослушиванием внезапно попавших в официальный мейнстрим патриотических песен периода Первой мировой войны. В Сараево и Косово албанцы и боснийские мусульмане активно разрушали памятники сербским участникам Первой мировой войны. Особенно досталось памятным местам в Сараево – музей «Младе Босне» был разграблен, был выкорчеван памятник «Стопы Г. Принципа» и

вновь снята памятная доска, отмечавшая место покушения. Опять, как и в годы НГХ, переименовали и мост Г. Принципа. В результате военных действий в 1991–1995 гг. сербы практически исчезли в Сараево и сконцентрировались в его пригороде – Восточное Сараево. Ставший практически мононациональным поселением боснийских мусульман город Сараево вновь стал туристическим центром, привлекающим множество туристов. Экспозиция о «Млада Босне» появилась в рамках Музея Сараево, а к девяностолетию покушения в 2004 г. на его месте была установлена туристическая доска на латинице с английским переводом: «С этого места 28 июня 1914 г. Гаврило Принцип совершил покушение на престолонаследника Франца Фердинанда и его супругу Софию». Нарочито отстраненный текст утратил упоминания о поводе к совершению покушения, а также уточнил имена жертв покушения. Акценты и симпатии были очевидны.

После прекращения войн 90-х годов и падения режима С. Милошевича в самой Сербии тема Первой мировой войны была практически вытеснена на периферию официально культивировавшихся воспоминаний. Юбилеи 90-летия Первой мировой войны в 2004–2008 гг. были практически заслонены более активным празднованием двухсотлетия Первого сербского восстания.

Важнейшим вкладом в трансформирование общественного восприятия событий Первой мировой войны в Сербии в первом десятилетии XXI века стал кинематограф, работавший при поддержке государственного бюджета. Несколько появившихся в то время кинопроектов прямо или косвенно сводились к деконструкции патриотических воспоминаний сербов о Первой мировой войне. Основным методом этой реконструкции была обычная для этих целей концентрация внимания на жертвах и потерях, с уводом фокуса от причин войны и её героических фигур, с переносом внимания с коллективных усилий на личные страдания. Неразрывный дуализм трагичности и героичности событий Первой мировой войны в истории сербского народа таким образом последовательно и намеренно разрывался. В 2008 г. на экраны вышел фильм У. Стояновича «Чарльстон для Огненки», ставший самым высокобюджетным фильмом того времени (около 4 млн евро). В этом фильме описана жизнь сербского села, потерявшего в войне всех мужчин, в силу чего оставшиеся в нем женщины, изголодавшиеся по противоположному полу, вынуждены вступить в конкуренцию за стариков и проезжих актеров. Та же личная тема в рассмотрении событий Первой

мировой войны проявилась в фильме С. Карановича «Албанская клятва» 2009 г., вышедшем в сотрудничестве с кинематографистами из Словении, Франции, Венгрии и Хорватии. Речь в фильме идёт о дружбе албанца и серба в довоенном городке на юге Сербии. Уходящий на Первую мировую войну серб оставил свою жену (словенку) на попечение албанского приятеля, который охраняет его супругу по мере сил. Речь шла о такой же, как и в упомянутом выше фильме, значительной личной драме на фоне «малозначимой» общей трагедии, с добавлением «политически желательного» эпизода о сербско-албанской дружбе.

В 2009 г. вновь при поддержке сербского государственного бюджета появился фильм С. Драгоевича «Святой Георгий убивает дракона» по популярной одноименной драме Д. Ковачевича, которую уже пытались экранизировать в телефильме 1989 года. Фильм был посвящен событиям в небольшом приграничном сербском селе у р. Савы в 1912–1914 гг. Этот фильм также описывал противостояние инвалидов Балканских войн с остальными жителями села, по требованию которых на фронт были отправлены не только военнообязанные, но и калеки, погибшие там без особой пользы. Фильм снимался при совместном усилии правительств Республики Сербии, Республики Сербской в Боснии и Герцеговине и автономного края Воеводина в республике Сербии. В результате размаха на съемках из снятого материала удалось смонтировать не только фильм, но и телесериал в 6 эпизодах. Фильм, снятый опытным режиссером, с добротным сценарием стал «любовной мелодрамой с элементами комедии». Д. Ковачевич так объяснил планы авторов фильма: «Я хочу видеть в этом фильме реконструкцию времен и событий, которые в сущности были правдой, и я думаю, что самое важное – воплотить в жизнь документальность, которая может объяснить людям многое из того, что с нами произошло. Этим фильмом нужно открыть новое историческое измерение о событиях, которые были по политическим причинам убраны с глаз долой, скрыты, подвергнуты цензуре. Мы слушали в школе о Первой мировой войне не более двух уроков, и фильм, вероятно, поможет новому поколению приблизить это время и узнать правду. Фильм начинается с сербско-турецкой войны, с которой люди возвращаются инвалидами в свои деревни на побережье Савы, на границе с могучей Австро-Венгрией. И всё это заканчивается битвой при Цере и очередной гибелью тех, кто уже страдал в двух предыдущих Балканских войнах» [63]. Очевидно, что в то время как вышеупомянутые

два фильма шли к деконструкции сербских представлений о Первой мировой войне исподволь, тут ревизия прошлого стала открыто декларировавшейся целью. В сербском обществе этот фильм вызвал неоднозначную реакцию, с эпитетами «фальсификация истории и разрушение сербской культуры», «финансирование государственными средствами лживого представления о прошлом». Волна возмущения стала настолько заметной, что министр культуры В. Брајович, выделивший средства, был вынужден оправдываться в собственной непричастности к содержанию фильма [64]. Разочарование было очевидно вызвано сравнением с недостижимым уровнем классического фильма «Марш на Дрину» 1964 г. И речь не шла лишь о «гражданской позиции». Небрежность была видна во всем – даже в отсутствии качественно военного консультанта. Военный консультант фильма 1964 года, преподаватель кафедры истории войн Высшей военной академии полковник Й. Лукович, специализировавшийся в области Балканских войн и Первой мировой войны, позволил авторам фильма 1964 г. быть намного более профессиональными по сравнению с «художественным вымыслом» режиссера 2009 г., превратившего маневренную Церскую битву (из-за чего, собственно, и возникло название – марш на Дрину) в окопное сидение периода позиционной войны.

В целом сербское общество накануне юбилейных торжеств 2014 г. находилось в состоянии определенного замешательства. Традиционные сербские представления о Первой мировой войне стали покрываться патиной времени, попытки деконструировать героический образ Первой мировой войны (как пример войн за объединения с братьями за Дриной) не увенчались успехами. В этих условиях стала очевидной потребность поисков нового общенационального консенсуса, базируемого на представлении о событиях прошлого вековой давности. Лучшим поводом для поиска таких совместных общих смыслов стала череда столетних юбилеев, мимо которых было невозможно пройти без внимания.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

Список литературы

1. Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). СПб.: Алетейя, 2007.
2. Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 гг. М.: ИСБ РАН, 1996.
3. Шемякин А.Л. «Мир детства» сербов в путевых записках П.А. Ровинского // Русские о Сербии и

сербях. Т.Ш. М.–СПб.: Нестор-История – Институт славяноведения РАН, 2019.

4. Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М.: МГИМО-Университет, 2016.

5. Протић С.М. Тајна конвенција између Србије и Аустро-Угарске: (један лист из нове историје Србије). Београд: Доситије Обрадовић, 1909.

6. Ђорђевић Д. Царински рат Аустро-Угарске и Србије: 1906–1911. Београд: Историјски институт, 1962.

7. Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог первой мировой войны. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1964.

8. Крестић В. Историја Срба у Хрватској и Славонији 1848–1914. Београд: Политика, 1991.

9. Бере З. Скица промена етничког састава становништва на тлу данашње Војводине 1526–1910 // Истраживања (Нови Сад). 2004. № 15. С. 105–125.

10. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 119–120.

11. Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда. 1878–1912. СПб.: Алетейя, 2007.

12. Митровић А. Продор на Балкан: Србија у плановима Аустро-Угарске и Немачке, 1908–1918. Београд: Нолит, 1981.

13. Стојанчевић В. Србија и српски народ за време рата и окупације: 1914–1918 године. Лесковац: Народни музеј, 1988.

14. Ћоровић В. Црна књига: патње Срба Босне и Херцеговине за време светског рата: 1914–1918. Београд–Сарајево: Ђурђевић, 1920.

15. Милорадовић Г. Бројно стање српске војске на Солунском фронту 1916–1918 године и војно-политичка подршка Руске империје Краљевини Србији // Русија/СССР и државност Србије/Југославије. Београд: Историјски институт, 2018. С. 213–254.

16. Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: Сборник документов / Сост. А.Ю. Тимофеев, Я.В. Вишняков, Г. Милорадович. М.: РИСИ, 2014.

17. Грбови, заставе, други државни амблеми и званични знаци Краљевине Југославије. Београд: Министарство трговине и индустрије – Управа за заштиту индустријске својине, 1936.

18. Мицић М. «Краљеви људи» колонисти и колонизациони простор // Споменница историјског архива Срема. 2019. № 18. С. 42–58.

19. Šimončić-Bobetko Z. Agrarna reforma i kolonizacija u Hrvatskoj 1918–1941. Izbor iz građe. Zagreb: AGM, 2000.

20. Дракић Г. Колонизација у међуратној југословенској држави // Зборник радова Правног факултета у Новом Саду. 2008. № 3. С. 265–277.

21. Јовановић В. Вардарска бановина: 1929–1941. Београд: Институт за новију историју Србије, 2011.

22. Уредба о добровољцима од 25. фебруара 1919. // Службене новине. 1919. № 11. 27. фебруара.

23. Уредба о добровољцима. Београд: Државна штампарија краљевине СХС, 1920.

24. Закон о добровољцима од 30. децембра 1921. // Службене новине. 1922. 27. март.
25. Закон о добровољцима од 30. децембра, 1921. год. Београд: Књижарница Г.Кона, 1924.
26. Закон о добровољцима са наредбом о утврђивању објеката и субјеката аграрне реформе. Београд: Књижарница Г.Кона, 1932.
27. Уредба о уређењу дугова добровољаца изда-тих на основу Закона о мини позајмицама без инте-реса насељених земљорадника и других интересената аграрне реформе. Београд: Министарство пољопривреде, 1936.
28. Правилник о извршењу уредбе о издавању државних обвезница ратним добровољцима уместо аграрне земље // Гласник Министарства пољопривреде. 1938. № 12; 1939. № 1.
29. Zakoni, zakonske odredbe, naredbe i t.d. proglašene od 11. travnja do 26. svibnja 1941. Zagreb: St. Kugli, 1941.
30. Шкиљан Ф. Организирано масовно присилно исељавање Срба из Хрватске 1941 године // Становништво. 2012. № 2.
31. Пешић Н. Удружење ратних добровољаца 1912–1918. њихових потомака и поштовалаца: некад и данас. Београд: Удружење ратних добровољаца 1912–1918. њихових потомака и поштовалаца, 2005.
32. Одлука НКОЈ бр. 153. О привременој забрани враћања колоништа на њихова пријашња места живљења // Службени лист Демократске федеративне Југославије. 1945. 16. март.
33. Архив Југославије (АЈ) Ф. 15 Президиум Народне скупштине ФНРЈ. Ф. 8. Д. 119; Ф. 14. Д. 260. Књ. 67.
34. Архив Југославије (АЈ) Ф. 15 Президиум Народне скупштине ФНРЈ. Ф. 14. Д. 260. Књ. 67.
35. Статистички годишњак Југославије 1983. Београд: Савезни завод за статистику и Београдски издавачко-графички завод, 1983.
36. Живановић М., Пуковник Апис. Солунски процес хиљаду деветсто седамнаесте. Београд: Култура, 1955.
37. Mackenzie D. Apis: The Congenial Conspirator. The Life Of Colonel Dragutin T. Dimitrijevic. New York: Columbia University Press, 1989.
38. Дедијер В., Сарајево 1914. Београд: Просвета, 1966.
39. Баздуљ М. Срећан рођендан, госпоње Хитлер // Време. 2013. 31. октобра.
40. Маслеша В. Млада Босна. Сарајево: Државно издавачко предузеће Босне и Херцеговине, 1945
41. Стојковић В. Водич кроз Музеј младе Босне и Гаврила Принципа. Сарајево: Музеј града, 1976.
42. Субашић Б. Комунисти уцењивали писца „Српске трилогије“ и Мир Јам // Новости. 2013. 1. децембар.
43. Бондарев Н.В. Русские тайны Иосипа Броза Тито. Архивы свидетельствуют. Москва: Вече, 2019.
44. Dedijer V. Sarajevo fifty years after. New York: Council on Foreign Relations, 1964.
45. Јанковић Р. Дани и године. Београд: Графички институт Народна мисао, 1926.
46. Оташевић Г. Пробој изгубљених српских јунака // Политика. 2014. 16. априла.
47. Арежина А. Љуба Тадић – Величанствена смрт мајора Курсуле. URL: <http://aleksandararezina.blogspot.com/2011/05/ljuba-tadic-smrt-majora-kursule.html> (дата обраћања: 30.03.2020).
48. Раковић А. Рокенрол у Југославији 1956–1968. Београд: Архипелаг, 2012.
49. Пузовић Б. Како је настала песма Марш на Дрину // Новости. 2013. 24. новембар.
50. Милорадовић Г. Глас „ликвидиране генерације“: Ауторизовани интервју са филмским редитељем Јованом Јоцом Живановићем // Годишњак за друштвену историју. 2010. № 2.
51. Денић М. Моји филмски послови. Београд: Институт за филм, 1986.
52. Арежина А. Жика Митровић – Командант Марша на Дрину. URL: <http://aleksandararezina.blogspot.com/2011/02/zika-mitrovic-komandant-marsa-na-drinu.html> (дата обраћања: 30.03.2020).
53. Арежина А. Марш на Дрину – Јединствена филмска битка. URL: <http://aleksandararezina.blogspot.com/2010/11/mars-na-drinu-jedinstvena-filmska-bitka.html> (дата обраћања: 30.03.2020).
54. Carmichael C. Psychology, the Viennese legacy and the construction of identity in the former Yugoslavia // Psychology and History: Interdisciplinary Explorations. Cambridge: University Press, 2014.
55. Čavka A. Građa za suvremenu povijest Driške krajine. Split: Vlastita naklada, 1995.
56. Hudson R. Popular Music, Tradition and Serbian Nationalism // Music, National Identity and the Politics of Location: Between the Global and Local. New York: Ashgate Publishing, 2017.
57. Уредба о остваривању права лица одликованих Орденом народног хероја, орденом Карађорђевог звезде с мачевима, орденом Белог орла с мачевима и Златном медаљом Обилића // Службени лист СФРЈ. 1965. № 10.
58. Закон о борачком додатку // Службени лист СФРЈ. 1972. № 67.
59. Бокун Д. Пола вијека од обнављања рада удружења ратних добровољаца 1912–1918. њихових потомака и поштовалаца // Српско Коло. 2019. № 7.
60. Беговић В. Млада Босна и раднички покрет у Босни и Херцеговини: нека упоређивања и закључци // Преглед. 1974. № 7–8. С. 727–735.
61. Парезанин Р. Млада Босна и Први светски рат. Минхен: Искра, 1974.
62. Јанковић А. Редифинисање идентитета: (историја, заблуде, идеологије у српском филму). Београд: Филмски центар Србије – Факултет драмских уметности, 2017.
63. Радосављевић Р. Стално живимо Бермудски троугао // ТВ Новости. 2007. № 6 (2217).
64. Убива аждаху // Курир. 2009. 17. март.

DEVELOPMENT OF REMEMBRANCE OF WORLD WAR I IN SERBIA BEFORE 2014

A.Yu. Timofeev

During the existence of the Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes/Yugoslavia, military events were glorified, war veterans and heroes enjoyed public recognition. Under the German occupation, all memories of World War I were suppressed by the invaders and puppet states that had divided the country. In Tito's Yugoslavia, the authorities made several attempts to erase the remembrance about World War I from historical memory, and subsequently tried to present the military events as a simple introduction to the revolutionary partisan struggle of 1941-1945. After 1991, the events of World War I were moved to the periphery of public attention. In the first decade of the 21st century, the hard days of World War I were used in Serbian cinema to form anti-war and pacifist sentiments, shifting the focus of attention from victories and heroes to victims and the senselessness of resistance.

Keywords: World War I in Serbia, World War II in Serbia, history of memories, veteran movements, films about the war, Gavrilo Princip.

References

1. Belov M.V. U istokov serbskoj nacional'noj ideologiji: mekhanizmy formirovaniya i specifika razvitiya (konec XVIII – sredina 30-h gg. XIX veka). SPb.: Aletejya, 2007.
2. Danchenko S.I. Razvitie serbskoj gosudarstvennosti i Rossiya. 1878–1903 gg. M.: ISB RAN, 1996.
3. Shemyakin A.L. «Mir detstva» serbov v putevyh zapiskah P.A. Rovinskogo // Russkie o Serbii i serbah. T.III. M.–SPb.: Nestor-Istoriya – Institut slavyanovedeniya RAN, 2019.
4. Vishnyakov Ya.V. Voennyj faktor i gosudarstvennoe razvitie Serbii nachala XX veka. M.: MGIMO-Universitet, 2016.
5. Protih S.M. Tajna konvencija između Srbije i Austro-Ugarske: (jedan list iz novije istorije Srbije). Beograd: Dositije Obradovih, 1909.
6. Ђorđevih D. Carinski rat Austro-Ugarske i Srbije: 1906–1911. Beograd: Istorijski institut, 1962.
7. Vinogradov K.B. Bosnijskij krizis 1908–1909 gg. Prolog prvoj mirovoj vojny. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1964.
8. Krestih V. Istorija Srba u Hrvatskoj i Slavoniji 1848-1914. Beograd: Politika, 1991.
9. Ђere Z. Skica promena etnichkog sastava stanovništva na tlu danashnje Vojvodine 1526–1910 // Istrazhivaња (Novi Sad). 2004. № 15. S. 105–125.
10. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AV-PR). F. Politarhiv. Op. 482. D. 2869. L. 119–120.
11. Timofeev A.Yu. Krest, kinzhal i kniga. Staraya Serbiya v politike Belgrada. 1878–1912. SPb.: Aletejya, 2007.
12. Mitrovih A. Prodog na Balkan: Srbija u planovima Austro-Ugarske i Nemachke, 1908–1918. Beograd: Nolit, 1981.
13. Stojanchevih V. Srbija i srpski narod za vreme rata i okupacije: 1914–1918 godine. Leskovac: Narodni muzej, 1988.
14. Ђorovih V. Crna knjiga: ratne Srba Bosne i Hercegovine za vreme svetskog rata: 1914–1918. Beograd–Sarajevo: Ђurđevih, 1920.
15. Miloradovih G. Brojno stanje srpske vojske na Solunskom frontu 1916–1918 godine i vojno-politichka podrshka Ruske imperije Kraljevini Srbiji // Rusija/SSSR i drzhavnost Srbije/Jugoslavije. Beograd: Istorijski institut, 2018. S. 213–254.
16. Armija bez gosudarstva. Ot serbskogo k yugoslavianskomu dobrovol'cheskomu korpusu v Rossii vo vremena Pervoj mirovoj vojny: Sbornik dokumentov / Sost. A.Yu. Timofeev, Ya.V. Vishnyakov, G. Miloradovich. M.: RISI, 2014.
17. Grbovi, zastave, drugi drzhavni amblemi i zvanichni znaci Kraljevine Jugoslavije. Beograd: Ministarstvo trgovine i industrije – Uprava za zashtitu industrijske svojine, 1936.
18. Micih M. «Kraljevi ljudi» kolonisti i kolonizacioni prostor // Spomenica istorijskog arhiva Srema. 2019. № 18. S. 42–58.
19. Šimončić-Bobetko Z. Agrarna reforma i kolonizacija u Hrvatskoj 1918–1941. Izbor iz građe. Zagreb: AGM, 2000.
20. Drakih G. Kolonizacija u mehuratnoj jugoslovenskoj drzhavi // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Novom Sadu. 2008. № 3. S. 265–277.
21. Jovanovih V. Vardarska banovina: 1929–1941. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2011.
22. Uredba o dobrovol'cima od 25. februara 1919. // Sluzhbene novine. 1919. № 11. 27. februara.
23. Uredba o dobrovol'casima. Beograd: Drzhavna shtamparija kraljevine SKHS, 1920.
24. Zakon o dobrovol'cima od 30. decembra 1921. // Sluzhbene novine. 1922. 27. mart.
25. Zakon o dobrovol'cima od 30. decembra, 1921. god. Beograd: Knjizharnica G.Kona, 1924.
26. Zakon o dobrovol'cima sa naredbom o utvrđivanju objekata i subjekata agrarne reforme. Beograd: Knjizharnica G.Kona, 1932.
27. Uredba o uređenju dugova dobrovol'aca izdatih na osnovu Zakona o mini pozajmicama bez interesa naseljenih zemljoradnika i drugih interesenata agrarne reforme. Beograd: Ministarstvo poljoprivrede, 1936.
28. Pravilnik o izvršenju uredbe o izdavanju drzhavnih obveznica ratnim dobrovol'cima umesto agrarne zemlje // Glasnik Ministarstva poljoprivrede. 1938. № 12; 1939. № 1.
29. Zakoni, zakonske odredbe, naredbe i t.d. proglašene od 11. travnja do 26. svibnja 1941. Zagreb: St. Kugli, 1941.
30. Shkiljan F. Organizirano masovno prisilno iseljavanje Srba iz Hrvatske 1941 godine // Stanovništvo. 2012. № 2.

31. Peshih N. Udruženje ratnih dobrovoljaca 1912–1918. њihovih potomaka i poshtovalaca: nekad i danas. Beograd: Udruženje ratnih dobrovoljaca 1912–1918. њihovih potomaka i poshtovalaca, 2005.
32. Odluka NKOJ br. 153. O privremenoj zabrani vraćanja kolonista na њihova prijašnja mesta življenja // Sluzhbeni list Demokratske federativne Jugoslavije. 1945. 16. mart.
33. Arhiv Jugoslavije (AJ) F. 15 Prezidium Narodne skupštine FNRJ. F. 8. D. 119; F. 14. D. 260. Књ. 67.
34. Arhiv Jugoslavije (AJ) F. 15 Prezidium Narodne skupštine FNRJ. F. 14. D. 260. Књ. 67.
35. Statistichki godišnjak Jugoslavije 1983. Beograd: Savezni zavod za statistiku i Beogradski izdavačko-grafichki zavod, 1983.
36. Zhivanovich M., Pukovnik Apis. Solunski proces hiljadu devetsto sedamnaeste. Beograd: Kultura, 1955.
37. Mackenzie D. Apis: The Congenial Conspirator. The Life Of Colonel Dragutin T. Dimitrijevic. New York: Columbia University Press, 1989.
38. Dedijer V., Sarajevo 1914. Beograd: Prosveta, 1966.
39. Vazduh M. Srehan rođendan, gospone Hitler // Vreme. 2013. 31. oktobra.
40. Maslesha V. Mlada Bosna. Sarajevo: Drzhavno izdavachko preduzehe Bosne i Hercegovine, 1945
41. Stojkovich V. Vodich kroz Muzej mlade Bosne i Gavriila Principa. Sarajevo: Muzej grada, 1976.
42. Subashih B. Komunisti useñivali pisca „Srpske trilogije“ i Mir Jam // Novosti. 2013. 1. decembar.
43. Bondarev N.V. Russkie tajny Iosipa Broza Tito. Arhivy svidetel'stvuyut. Moskva: Veche, 2019.
44. Dedijer V. Sarajevo fifty years after. New York: Council on Foreign Relations, 1964.
45. Jankovich R. Dani i godine. Beograd: Grafichki institut Narodna misao, 1926.
46. Otashevih G. Proboj izgubljenih srpskih junaka // Politika. 2014. 16. aprila.
47. Arezhina A. Љuba Tadih – Velichanstvena smrt majora Kursule. URL: <http://aleksandararezina.blogspot.com/2011/05/ljuba-tadic-smrt-majora-kursule.html> (data obrashcheniya: 30.03.2020).
48. Rakovich A. Rokenrol u Jugoslaviji 1956–1968. Beograd: Arhipelag, 2012.
49. Puzovich B. Kako je nastala pesma Marsh na Drinu // Novosti. 2013. 24. novembar.
50. Miloradovich G. Glas „likvidirane generacije“: Autorizovani intervju sa filmskim rediteljem Jovanom Jocom Zhivanovichem // Godishnjak za drushtvenu istoriju. 2010. № 2.
51. Denih M. Moji filmski poslovi. Beograd: Institut za film, 1986.
52. Arezhina A. Zhika Mitrovich – Komandant Marsa na Drinu. URL: <http://aleksandararezina.blogspot.com/2011/02/zika-mitrovic-komandant-marsa-na-drinu.html> (data obrashcheniya: 30.03.2020).
53. Arezhina A. Marsh na Drinu – Jedinstvena filmska bitka. URL: <http://aleksandararezina.blogspot.com/2010/11/mars-na-drinu-jedinstvena-filmska-bitka.html> (data obrashcheniya: 30.03.2020).
54. Carmichael C. Psychology, the Viennese legacy and the construction of identity in the former Yugoslavia // Psychology and History: Interdisciplinary Explorations. Cambridge: University Press, 2014.
55. Čavka A. Građa za suvremenu povijest Drniške krajine. Split: Vlastita naklada, 1995.
56. Hudson R. Popular Music, Tradition and Serbian Nationalism // Music, National Identity and the Politics of Location: Between the Global and Local. New York: Ashgate Publishing, 2017.
57. Uredba o ostvarivanju prava lica odlikovanih Ordenom narodnog heroja, ordenom Karađorđeve zvezde s machevima, ordenom Belog orla s machevima i Zlatnom medaljom Obiliha // Sluzhbeni list SFRJ. 1965. № 10.
58. Zakon o borachkom dodatku // Sluzhbeni list SFRJ. 1972. № 67.
59. Bokun D. Pola vijeka od obnavljanja rada udruženja ratnih dobrovoljaca 1912–1918. њihovih potomaka i poshtovalaca // Srpsko Kolo. 2019. № 7.
60. Begovich V. Mlada Bosna i radnichki pokret u Bosni i Hercegovini: neka upoređivanja i zaključci // Pregled. 1974. № 7–8. S. 727–735.
61. Parezhanin R. Mlada Bosna i Prvi svetski rat. Minhen: Iskra, 1974.
62. Jankovich A. Redefinisanje identiteta: (istorija, zablude, ideologije u srpskom filmu). Beograd: Filmski centar Srbije – Fakultet dramskih umetnosti, 2017.
63. Radosavljevich R. Stalno zhivimo Bermudski trougao // TV Novosti. 2007. № 6 (2217).
64. Ubiva azhdahu // Kurir. 2009. 17. mart.